

Центр современной философии и социальных наук Философского факультета МГУ,
совместно с иностранным отделом Философского факультета МГУ,
при поддержке деканата Философского факультета МГУ

приглашает на публичные лекции

доктора философии Рурского университета (Бохум, Германия)

Майке Зигфрид

16 марта - «Власть и насилие. Опыт разграничения и деконструкции»
(оппоненты: Александр Павлов, Игорь Чубаров)

17 марта - «Справедливость и/или солидарность»
(оппоненты: Александр Бикбов, Александр Морозов)

*Доклады и дискуссии пройдут на философском факультете МГУ
(Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, 3-ий этаж)
начало в 18.00, ауд. А-307*

Майке Зигфрид – научный сотрудник Института Философии Рур-университета г. Бохум (Германия), член руководства философской секции Общества Мартина Бубера. Области исследовательских интересов: феноменология, философия диалога, постструктурализм, политическая философия, эстетика. Диссертация посвящена преодолению принципа субъективности в философии языка Мартина Хайдеггера и Мартина Бубера. Автор монографии «Отказ от субъекта» (Freiburg, 2010). Координатор проекта «Культуры справедливости» (Рур-университет).

Для участия в лекциях и дискуссиях приглашаются все желающие.

В здании действует система пропусков. Участники и посетители, не имеющие пропуска МГУ, присылайте свои ФИО на электронный адрес ff.sredy@gmail.com до 10 марта включительно. Для прохода в здание захватите с собой паспорт или иной документ, удостоверяющий личность.

Тезисы к выступлениям

16 марта

I.

Власть и насилие.

Опыт их разграничения и его деконструкции

Феномены власти и насилия находились долгое время в стороне от основного фокуса политической философии, в которой преобладали дискуссии о «Теории справедливости» (1971) Дж. Ролза. Эта ситуация кардинально изменилась под влиянием рецепции широко обсуждавшейся теории гегемонии Шанталь Муф и Эренста Лакло, а также других концепций, сконцентрированных на разработке теории власти. При этом в рамках данных подходов звучит прямая критика в адрес либерализма Ролза, которому ставится в вину, что он устраняет феномен власти из области политического. Следует, однако, заметить, что концепции власти в современной философии часто не различают явным образом формы проявления власти и родственных ей феноменов, таких как «авторитет», «господство» и «насилие».

Данное различие находится в центре внимания, по крайней мере двух концепций, не связанных на первый взгляд, между собой, но при более пристальном рассмотрении обнаруживающих общность в одном существенном вопросе: как Ханна Арендт, так и Мишель Фуко в его поздних работах о гегемональности, считают различие между властью и насилием, имеющим центральное значение для области политического. Систематический анализ их подходов открывает возможность обсудить шансы и проблемы строгого отграничения власти от «насилия» и «господства».

При этом следует исходить из фундаментальной общности теорий власти Арендт и Фуко – обе концепции избегают от ориентации на модель суверенитета и права. Тем самым они отказываются от монистического и централистского понятия о власти, каковая предстает в их концепциях *относительной* и *рассеянной*. Согласно Арендт, власть возникает всякий раз там, где люди объединяются между собой и действуют на основе взаимного согласия. Исток власти она усматривает, поэтому, в дискурсивно обретенном консенсусе определенной группы. Напротив, насилие относится к области производства, расчета и калькуляции целей и средств. Фуко также различает власть в смысле ограничения определенного пространства действия и насилие в смысле голого принуждения. Но в отличие от Арендт, он не рассматривает консенсус в качестве прафеномена власти, хотя и понимает, подобно ей, свободу всех акторов в качестве основной предпосылки всякого отправления власти.

Из рассмотрения этих первых различий и сходств возникают два комплекса проблем, затрагивающих в целом основные вопросы осмысленности различения между властью и насилием. Эти комплексы проблем будут подробно обсуждены в докладе: во-первых, возникает вопрос, возможно ли, и в какой мере, исключить момент принуждения вообще из области власти. Применительно к концепции Арендт это означало бы рассмотрение

консенсуса как установления «непринудительного принуждения» наиболее убедительного аргумента (в смысле Хабермаса). Во-вторых (и это является в наибольшей степени проблемой для Фуко) оказывается весьма проблематичным точно определить момент превращения властных отношений в отношения насилия и господства. По подводу концепции Арендт также можно задать вопрос, не оказывается ли рассеянный ресурс власти всегда уже связанным с моментами стабилизации и институционализации, и не они ли – в современных демократических правовых государствах – гарантируют то, что власть не превращается в насилие.

Хотя можно показать, что строгое разграничение обоих феноменов то и дело стремится к тому, чтобы деконструировать самое себя, в заключение доклада будут высказаны доводы в защиту такого разграничения, которое выступает инструментом анализа и стратегией нормативно-критической философии.

17 марта

II.

Справедливость и/или солидарность

Вопрос об отношении справедливости и солидарности относится к ключевым вопросам современных дискуссий вокруг темы справедливости, составляющей со времени «Теории справедливости» (1971) Дж. Ролза один из доминирующих предметов актуальной политической философии. Модель, основанной на принципе солидарности, совместной жизни людей подчеркивается преимущественно теми теоретиками, которые в критической полемике с либерализмом Ролза обращаются к идеалу «республиканской солидарности», т.к. так называемыми «коммунитаристами» вокруг М. Сендела, Ч. Тэйлора, А. Макинтайра и др.

Примечательно, что и у самого Ролза идея «братства» как выражения солидарного сообщества стоит на одном из самых центральных мест. «Принцип различия», призванный гарантировать, чтобы пропасть между хорошо и недостаточно хорошо обеспеченными членами общества не углублялась, соответствует по мысли Ролза основной идее братства и ее истокам в идеальном образе семьи, где каждый живет совместно с другими на началах солидарности. Неожиданная апелляция к идее солидарности в концепции Ролза именно там, где речь идет об обосновании сильного социального государства в рамках либерального подхода, порождает центральный для понимания отношения справедливости и солидарности вопрос: возможно ли осмысленно использовать представление о солидарном сосуществовании людей для обоснования принципов социального государства? И не обстоит ли дело совсем наоборот, а именно, что при реализации социальной справедливости в рамках программ социального государства речь идет скорее о замене личных связей солидарности правовыми отношениями и институтами, а тем самым о претензиях, реализуемых через суд?

Более внимательное рассмотрение подхода Ролза показывает, что идея солидарной ангажированности на благо других в его *дедукции* принципа справедливости в конечном

счете не играет никакой роли. Его идея «первоначального состояния», восходящая к традиции теорий договора функционирует лишь при условии отвлечения от конкретных эмоциональных связей индивидов между собой. На этот пункт направляется критика коммунитаристов, которые упрекают Ролза в том, что он исходит в своей концепции справедливости из некоего фантома – некоего, освобожденного от всех культурно-исторических связей, «изолированного Я». Представлению об обществе, состоящему из таких изолированных индивидов, они противопоставляют идеал сообщества, объединенного совместной ориентацией на общее благо, в котором солидарность выполняет функцию сильного связующего средства.

Однако, становится ясно, что спор коммунитаристов с либералами по вопросу об отношении справедливости и солидарности вращается вокруг вопроса о структуре человеческой субъективности и определяющих факторах ее действий. Правда, неопрагматизм Р. Рорти, напротив, ставит под сомнение то, что определенные универсальные высказывания о сущности человека могут быть положены в основу определенных концепций справедливости. Рорти, характерным образом занимает дистанцию, как по отношению к либерализму Ролза, так и к мысли коммунитаристов. Пойнт Рорти заключается в том, что он считает себя сторонником «либеральной утопии», к которой принципу солидарности отводится главная роль. Но поскольку он стремится расширить солидарность до всеобъемлющей лояльности всех людей по отношению друг к другу, возникает вопрос, есть ли границы такого расширения идеи солидарности и не является ли более важным при разработке нормативной политической философии делать акцент как раз на различии принципов солидарности, справедливости и благотворительности.